

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2022.50.18.057

Роль Хабаровского процесса 1949 г. в международно-правовом запрещении бактериологического оружия

Балковая Валентина Григорьевна

Доктор юридических наук, доцент,
завкафедрой теории и истории государства и права,
Дальневосточный юридический институт (филиал),
Университет прокуратуры Российской Федерации,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: valyabalk@yandex.ru

Аннотация

Настоящая публикация имела целью определить вклад СССР в формирование международно-правового запрета на разработку, производство и использование бактериологического оружия. Статья посвящена роли СССР в выработке международного запрета на производство и применение бактериологического оружия, признания его в качестве недопустимого средства ведения войны. В статье рассмотрены вопросы расследования военных преступлений Японии, совершенных в ходе Второй мировой войны, подготовки и проведения Токийского процесса 1948 г., причины нежелания союзников по антигитлеровской коалиции включать в обвинение преступления, связанные с подготовкой бактериологической войны. Важное место отведено подготовке и ходу Хабаровского процесса, состоявшегося в 1949 г. над военными преступниками милитаристской Японии, обвинявшимися в попытке развязать полномасштабную бактериологическую войну. Статья подготовлена на основе опубликованных в открытой печати материалов: личных показаний обвиняемых, протоколов допросов, свидетельских показаний, актов судебно-медицинских экспертиз. Особое внимание уделено значению Хабаровского процесса, проведенного СССР, в осознании необходимости введения международно-правового запрета на разработку, производство и применение бактериологического оружия, отнесения его к недопустимым средствам ведения войны.

Для цитирования в научных исследованиях

Балковая В.Г. Роль Хабаровского процесса 1949 г. в международно-правовом запрещении бактериологического оружия // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 10А. С. 769-778. DOI: 10.34670/AR.2022.50.18.057

Ключевые слова

Хабаровский процесс, международное гуманитарное право, бактериологическое оружие, преступления против человечности, запрещенные методы ведения войны.

Введение

Одним из методов проведения внешней политики выступает война, практически на всех этапах истории человечества велись военные конфликты различной степени интенсивности. Любая война предполагает наличие жертв, многие войны в истории отличались значительной кровопролитностью и большими человеческими потерями. Вместе с тем, мировые войны XX в. вписали самые страшные страницы в историю человеческой цивилизации, превратив передовые достижения науки в оружие массового поражения, что многократно повысило число жертв во всех воюющих странах.

Важной проблемой современной цивилизации является то, что человечество достигло такого уровня развития науки и технологий, при котором возможным становится его полное уничтожение либо безвозвратная деградация. Научные открытия, совершенные в XX веке в области физики, химии, медицины при попадании в руки недобросовестных политиков способны превратиться в оружие массового поражения и поставить не только население участвующих в конфликте стран, но и все человечество на грань гибели.

Одним из наиболее страшных средств ведения современной войны является бактериологическое (биологическое) оружие, чье действие угрожает человечеству как биологическому виду, не признающее никаких границ, способное изменить генофонд всех последующих поколений.

Осознавая эти угрозы, мировая общественность с начала XX века пытается противостоять им, введя понятие «недопустимых средств ведения войны». Настоящая публикация имела целью определить вклад СССР в формирование международно-правового запрета на разработку, производство и использование бактериологического оружия.

Основная часть

В условиях усиления глобализации большинства социальных процессов, в 1899 и 1907 г. в Гааге были проведены конференции, на которых были приняты международные конвенции, занявшие важнейшее место в системе источников международного гуманитарного права. Их принятие заложило основу формирования права военных конфликтов, впервые были определены законы и обычаи ведения войны. Среди прочего, именно тогда было введено понятие «запрещенных средств ведения военных действий». В частности, п. «А» ст. 23 Гаагской конвенции 1907 г. устанавливал запрет на употребление яда или отравленного оружия во время военных действий.

Несмотря на это, 31 января 1915 г. в битве при Болимове немецкими войсками было применено химическое оружие, ставшее первым оружием массового поражения и активно применявшееся на полях сражений Первой мировой войны. По приблизительным оценкам исследователей, от химического оружия в ходе нее пострадало около 1,3 млн. человек [Постников, 2017, 29]. По сути дела, театры военных действий того периода играли роль самого крупного за всю историю человечества полигона по испытанию нового для того времени вида оружия в реальных условиях военных действий. Десятки тысяч погибших, сотни тысяч людей, полностью или частично потерявших зрение, получивших ожог органов дыхательной системы – вот цена этого чудовищного эксперимента.

Осмысление уроков Первой мировой войны поставило перед ведущими державами задачу выработки единых подходов к определению степени допустимого и недопустимого вреда,

наносимого в ходе военных действий, их критериев, а также запрещения определенных средств ведения войны.

Вследствие этого к середине 1920-х гг. у мировой общественности постепенно сформировалось представление о том, что применение оружия массового поражения надо признать недопустимым методом ведения военных действий. Первым межгосударственным соглашением о запрете недопустимых методов войны является Женевский протокол, принятый Лигой Наций 17 июля 1925 г., установивший запрет на применение воюющими сторонами в качестве оружия удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. Необходимо отметить, что Женевский протокол 17 июля 1925 г. изначально имел пробел в части, касающейся определения бактериологического оружия и бактериологических средств ведения войны, вследствие чего из контекста документа было не вполне понятно, какие собственно действия являлись предметом запрета [Смирнова, 2017, 182]. В отличие от химического оружия, активно применявшегося в ходе Первой мировой войны, бактериологическое оружие на тот момент оставалось определенной абстракцией. Вместе с тем примечательно, что даже потенциальная возможность его применения изначально была осуждена мировым сообществом.

Женевский протокол от 17 июля 1925 г. в год принятия был подписан представителями 37 государств, а в период до конца 1930-х гг. число присоединившихся к указанному протоколу государств увеличилось до 43 (в число присоединившихся входил и СССР) [Котляров, 2009, 51]. Примечательно, что милитаристская Япония в число этих государств не вошла, из чего можно сделать вывод, что она планомерно готовилась к использованию запрещенных средств ведения военных действий.

Несмотря на существование международно-правовых актов, закрепивших законы и обычаи ведения войны, Вторая мировая война явилась самым кровопролитным военным конфликтом за всю историю человечества, проходившим с нарушением всех установленных норм и приведшим к многочисленным человеческим жертвам. Вследствие этого, после подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии состоялся первый в истории международный суд над военными преступниками – Нюрнбергский трибунал.

Устав Нюрнбергского трибунала, принятый в 1945 г., сыграл огромную роль в развитии международного права, обогатив его понятием «международного военного преступления». В соответствии со статьей 6, юрисдикции международных трибуналов подлежали преступления против мира, против законов и обычаев ведения войны, преступления против человечности. Именно такое понимание военного преступления послужило юридической основой при проведении Токийского и Хабаровского судебных трибуналов над японскими милитаристами.

После подписания в сентябре 1945 г. Акта о безоговорочной капитуляции Японии странами-победительницами было начато расследование военных преступлений Японии, ведущую роль в которых играли США. По его итогам был проведен Токийский процесс, в котором участвовали обвинители от 11 стран, так или иначе причастных к войне с Японией.

Токийский процесс готовился и проходил на основе принципов англо-саксонской правовой системы и при явном доминировании США [Колодкин, Нечевин, 2017, 24]. К сожалению, усилившиеся противоречия между СССР и США не позволили в полном объеме исследовать все материалы и наказать виновных, в результате чего Токийский процесс осудил преступления милитаристской Японии против мира, но скрыл ряд преступных деяний, направленных против человечности. Это относится прежде всего к разработке бактериологического оружия и его испытаниям на людях.

Параллельно с американской, на территории Маньчжурии, освобожденной от оккупации Японией, работала следственная комиссия из СССР. Уже в сентябре 1945 г. ею были получены первые сведения о подготовке Японией биологической войны и проведении ею медицинских опытов на людях [Бастрыкин, 2022, 62]. Эти материалы частично были представлены советской стороной для включения в обвинение на Токийском процессе, но они там не были использованы.

По причине этого отказа, а также вследствие нараставшей конфронтации между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, советской стороной было принято решение о проведении в Хабаровске в 1949 г. собственного процесса над японскими военными преступниками.

У Хабаровского процесса было две цели: первая – международно-правовая, заключалась в представлении перед международной общественностью свидетельств совершения милитаристской Японией преступлений против человечности и реализации возмездия; вторая цель этого процесса носила политический характер, была направлена на разоблачение двурушничества бывших союзников по антигитлеровской коалиции, которые затушевывали неприглядные факты международных преступлений в обмен на ценную для них информацию, которая могла быть использована ими самими в военных целях в новом международном противостоянии с СССР.

Как считают некоторые исследователи, советское руководство придавало достижению второй цели особенно важное международно-правовое значение, стремясь продемонстрировать всему миру, что США, исходя из своих интересов, взяли под защиту ряд военных преступников, разрабатывавших биологическое оружие, заведомо зная о преступном характере их деятельности [Романова, Шулатов, 2017, 304].

Хабаровск был избран местом проведения суда над японскими военными преступниками в связи с тем, что согласно плану «Кантокуэн», посвященному подготовке войны против СССР, именно Хабаровск должен был быть первой целью бактериологической атаки, дальнейшие удары предполагались нанести в отношении Благовещенска, Читы, Уссурийска [Звягинцев А.Г., 2019, с. 34-35].

Следствие проводилось оперативно-следственной группой МВД СССР и Следственным управлением МВД СССР по Хабаровскому краю, уголовное дело состоит из 26 томов, включающих личные показания и дневниковые записи (на японском и русском языках), показания свидетелей, протоколы допросов, акты судебно-медицинских экспертиз [Бабкина, Коноплева, 2022, 97].

Большая часть материалов расследования и подготовки Хабаровского процесса в дальнейшем отложилась в фондах Российского государственного военного архива (РГВА) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), часть их была опубликована [Материалы, 1950; Без срока давности, 2021]. Несмотря на значительные научные успехи, тема до конца не изучена, исследовательская работа продолжается. Новая волна интереса к Хабаровскому процессу, возникшая в августе 2021 г., объясняется рассеркчиванием Центральным архивом ФСБ России новых материалов с протоколами допросов японских военных преступников, содержащих доказательства проведения испытаний бактериологического оружия милитаристской Японией [Бабкина, Коноплева, 2022, 96].

С.П. Ким считает, что даже спустя более семидесяти лет Хабаровский процесс остается одним из самых малоисследованных судебных процессов, проводившихся над военными преступниками. Объясняется это тем, что значительная часть документов, посвященных этой

странице истории, длительное время находилась в засекреченном состоянии и только начинает вводиться в научный оборот [Ким, 2022, 36].

Хабаровский процесс проходил в декабре 1949 г., в ходе него перед судом предстало 12 бывших военнослужащих японской Квантунской армии, большинство из которых обвинялись в злодеяниях, связанных с разработкой и применением биологического оружия. Процесс был заявлен как открытый и предполагал значительный пропагандистский эффект и международный резонанс. В то же время, сама советская сторона стремилась избежать чрезмерной публичности в его освещении, в связи с чем ни один иностранный корреспондент на заседания допущен не был.

Как удалось установить, японскими милитаристами еще с 1935 г. началась подготовка полномасштабной бактериологической войны. Решение об этом было принято лично императором Хирохито, по чьему распоряжению на оккупированной территории Маньчжурии близ Харбина были созданы закрытые воинские части, в которых велись секретные медицинские исследования. Важнейшим среди них был «Противоэпидемический отряд № 731» (далее – «отряд № 731»), чья кадровая численность к 1939 г. составила около трех тысяч человек [Материалы, 1950, 15]. Его деятельность контролировалась командованием Квантунской армии, хотя само подразделение формально в ее состав не входило, подчиняясь Медицинскому управлению Генерального штаба императорской армии Японии [Ким, 2022, 38].

Отряд № 731 состоял из нескольких отделов, важнейшими из которых были исследовательский (1-ый отдел), экспериментальный (2-ой отдел) и производственный (4-ый отдел). Сотрудники 3-го отдела производством и разработкой бактериологического оружия не занимались и отвечали за водоснабжение и проведение противоэпидемиологических мероприятий. Позднее стало известно о существовании пятого отдела – учебно-просветительского, который занимался обучением кадров для «правильного использования бактериологического оружия» [Ким, 2022, 40].

Отдел № 1 специализировался на лабораторных исследованиях, проводил эксперименты с возбудителями чумы, холеры, сибирской язвы, газовой гангрены, брюшного тифа, паратифа с целью использования их в бактериологической войне. Как показали медицинские эксперименты, для искусственного возникновения эпидемии недостаточно было создать запас патогенных возбудителей, необходимо было хорошо понимать физиологические и физические особенности народов, против которых планировалось применение бактериологического оружия. Вследствие этого, важным направлением научных исследований являлось изучение воздействия возбудителей инфекционных заболеваний на различные этнические группы. Поэтому схожие эксперименты параллельно ставились на испытуемых китайского, русского, корейского, монгольского происхождения из числа военнопленных и жителей оккупированных территорий. Их целью было определить степень иммунитета отдельных народов по отношению к различным видам возбудителей. Для проведения этих опытов, при отряде была создана собственная тюрьма, рассчитанная на одновременное размещение четырехсот человек [Материалы, 1950, 15].

Согласно показаниям Киоси Кавасимы, возглавлявшего отдел № 1, за период с 1940 по 1945 год жертвами бактериологических испытаний стало не менее трех тысяч человек. Бесчеловечность этих опытов проявлялась еще и в том, что работники отряда не воспринимали подопытных как людей, считая их «бревнами» (марута) [Юдин, 2009, 113]. Как вспоминал главный переводчик Хабаровского процесса Г. Пермяков, обвиняемые показания против себя давали неохотно, заявляли, что якобы они «ничего не знали». Лишь генерал-лейтенант Такахаси

Такаацу с бравадой рассказывал об опытах на живых людях, обосновывая это тем, что «если преступник приговорен к смерти, то лучше его умертвить для науки» [Звягинцев, 2019, 35].

Отдел № 2 производил проверку различных видов бактериологического оружия в условиях полигона, его главной задачей было определение наиболее эффективных методов доставки патогенных организмов к военнослужащим условного противника. Наиболее перспективным считалось изготовление керамических бомб, начиненных чумными блохами, помимо этого практиковалось применение бактериологического «тумана» или «дождя» [Материалы, 1950, 15]. Для полевых экспериментов также использовались военнопленные, содержащиеся во внутренней тюрьме.

Отдел № 4 (производственный) занимался размножением выведенных отделом № 1 штаммов болезнетворных организмов. В ходе допросов Томио Карасаво, бывшего начальника этого отдела, удалось установить, что производственный отдел, исходя из имеющихся мощностей, ежемесячно мог производить до 300 кг бактерий чумы (речь шла о густой сметанообразной бактериальной массе, непосредственно снятой с поверхности питательной среды) [Материалы, 1950, 12]. В этом отделе в искусственных условиях производилось размножение возбудителей чумы, брюшного тифа, паратифа, сибирской язвы, газовой гангрены.

В ходе расследования высокопоставленные обвиняемые пытались обосновать наличие в отряде № 731 специального оборудования для размножения бактерий целями профилактики и защиты японских военнослужащих от инфекционных болезней. Однако даже сами рядовые исполнители отмечали, что оборудование и специальная аппаратура для культивирования бактерий для профилактических целей была слишком мощной, а специальная аппаратура по выращиванию блох для профилактики вообще была не нужна. Все это свидетельствовало, что эта аппаратура была создана для исследовательской работы по подготовке бактериологического оружия [Без срока давности, 2021, 173].

Тосихидэ Ниси, подполковник медицинской службы, утверждал, что японская армия дважды применяла «боевые бактериологические средства» в 1939 г. против советских и монгольских войск в районе Халхин-Гола и в мае-июле 1940 г. в Центральном Китае в районе Нимбо [Материалы, 1950, 17].

Китайские историки считают, что помимо научных экспериментов в период с 1940 по 1944 гг. японцами проводились и реальные акты бактериологической агрессии, от которых пострадало минимум 11 уездов Китая. Эти акты имели целью сокращение численности населения – проводились заражения водоемов холерным вибрионом, неоднократно делались попытки искусственно вызвать эпидемию чумы путем запуска на территорию инфицированных крыс, мышей и иных грызунов. Однако численность погибших от этих актов агрессии составила всего 700 человек, что было значительно ниже запланированных показателей. Оказалось, что искусственно выращенные патогены значительно слабее созданных в природе [Юдин, 2009, 120]. Как следует из показаний подсудимых, в июне 1942 г. на совещании в Токио рассматривался вопрос о проведении вблизи железнодорожной линии Чжэган в центральном Китае полномасштабной бактериологической атаки против китайских войск без использования самолетов, с применением возбудителей чумы, холеры, брюшного тифа и паратифа. Кроме того, летом 1945 г. бактерии распространялись непосредственно в населенных пунктах, ими заражались колодцы и иные водоемы в момент отхода японских войск [Без срока давности, 2021, 168-171].

Командующий Квантунской армии Ямада Отодзо в своих показаниях отмечал, что только

высокие темпы наступления советских вооруженных сил в Маньчжурии летом 1945 г. не дало возможности японскому командованию развязать крупномасштабную бактериологическую войну, поставив под угрозу жизнь не только вооруженных сил противника, но и многомиллионного населения оккупированных территорий [Материалы, 1950, 27].

Обвинительное заключение, составленное на основании материалов предварительного следствия, включало в себя разделы «Преступные опыты над живыми людьми», «Применение бактериологического оружия в войне против Китая», «Активизация подготовки бактериологической войны против СССР» [Романова, Шулатов, 2017, 301].

После завершения Хабаровского процесса советским правительством был проведен комплекс мероприятий по широкому информированию международной общественности о его результатах.

Широкая публикация материалов процесса была призвана разоблачить аморальность американской позиции, препятствовавшей полному разоблачению японских военных преступников, виновных в проведении медицинских опытов над людьми и разработке биологического оружия. По результатам процесса было озвучено требование о необходимости продолжения расследования, так как 48 военных преступников, чьи имена были установлены в ходе расследования и чья вина была доказана, так и не предстали перед судом. Важнейшим среди них безусловно являлся генерал-лейтенант Сиро Исии, возглавлявший работы по созданию бактериологического оружия, вывезенный в 1947 г. в США в обмен на результаты проводившихся над людьми медицинских экспериментов [Юдин, 2009, 108-109], и где он проживал до самой своей смерти в 1959 г. [Бастрыкин, 2022, 62].

Выводы. Несмотря на то, что Хабаровский процесс 1949 г. не получил статуса международного трибунала, он продемонстрировал неотвратимость наказания для военных преступников, виновных в совершении особо изощренных преступлений против человечности [Бастрыкин, 2022, 61].

Особая опасность применения в ходе военных действий оружия массового поражения, к которому относится бактериологическое, состоит в полной невозможности контролировать последствия [Супотницкий, 2018, 76]. При таком способе ведения войны количество реальных и потенциальных жертв невозможно оправдать никакими политическими целями любой из воюющих стран.

Определяя историческое значение Хабаровского процесса можно отметить ряд моментов. Во-первых, его проведение сообщило дополнительный импульс процессу совершенствования международных норм, направленных на предотвращение преступлений против законов и обычаев войны; во-вторых, Хабаровский процесс не просто предал гласности факты проведения опытов над людьми, а дал развернутую правовую характеристику и оценку таким военным преступлениям, осудив бесчеловечное отношение к военнопленным и мирному населению; в-третьих, внес значительный вклад в формирование новых принципов международного правосудия [Бутрим, 2021, 95-97]. Хабаровский процесс наглядно продемонстрировал, что применение оружия, боеприпасов и техники ведения войны, связанных с массовыми человеческими жертвами среди военнопленных и мирного населения, признаются военными преступлениями, совершение которых должно повлечь привлечение виновных не только к моральной, но и юридической ответственности [Смирнова, 2017, 184].

Как положительный момент необходимо отметить намерение СССР восстановить историческую справедливость и наказать японских военных преступников. Благодаря переводу материалов процесса на многие языки и изданию их в различных странах, народы мира узнали

об этой стороне преступной деятельности милитаристской Японии [Никитенко, Дроздова, 2021, 100]. Примечательно, что вследствие позиции США многие факты этой деятельности долгое время были неизвестны даже участникам Международного военного трибунала для Дальнего Востока, работавшего в Токио в период с мая 1946 по ноябрь 1948 г. Судья Роулинг из Нидерландов, член Токийского трибунала, на исходе своей жизни заметил: «Как одному из судей Международного военного трибунала мне очень горько было узнать, что в соответствии с приказами из Вашингтона самые отъявленные японские военные преступники держались под секретом и были скрыты от судебного преследования правительством США» [Звягинцев, 2019, 35].

Заключение

10 апреля 1972 г. была принята Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. Важную роль в осознании необходимости принятия этого важного международного документа сыграл организованный СССР Хабаровский процесс 1949 г. над военными преступниками милитаристской Японии, который не имел статуса международного трибунала, но получил значительный резонанс во всем мире.

Библиография

1. Бабкина Е.С., Коноплева А.В. Отечественные и зарубежные исследователи о ходе и итогах Хабаровского процесса 1949 г. // Межкультурный диалог в пространстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Хабаровск, 2022. С. 95-103.
2. Бастрыкин А.И. Подготовка к Хабаровскому процессу и его значение для международного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1. С. 61-69.
3. Без срока давности. Хабаровский процесс. Документальные свидетельства. М., 2021. 352 с.
4. Бутрим И.И. Правовое наследие Хабаровского процесса в международном гуманитарном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 91-100.
5. Звягинцев А.Г. Отравители без хризантем // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 4(72). С. 34-37.
6. Ким С.П. «Против воинствующих поджигателей войны»: архивные материалы об организации Хабаровского процесса // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2022. № 1(28). С. 35-70.
7. Колодкин Л.М.; Нечевин Д. К. Токийский и Хабаровский судебные процессы – грозное предостережение современным агрессорам // Евразийский юридический журнал. 2017. № 9(112). С. 22-28.
8. Котляров И.И. Международное гуманитарное право об ограничении воюющих в выборе методов ведения войны // Московский журнал международного права. 2009. № 2 (74). С. 44-62.
9. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. 539 с.
10. Никитенко М.Г., Дроздова П.В. Хабаровский трибунал как итог злодеяний японского милитаризма // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2021. № 3(107). С. 96-104.
11. Постников Н.Д. Первая газовая атака на русско-германском фронте в январе 1915 года // Преподавание истории в школе. 2017. № 3. С. 27-31.
12. Романова В. В.; Шулатов А.Я. После Хабаровского процесса 1949 г.: СССР, США и попытка организации нового трибунала на Дальнем Востоке в условиях «холодной войны» // История медицины. 2017. Т. 4. № 3. С. 301-316.
13. Смирнова А. Н. Ограничение воюющих в выборе методов и средств ведения войны // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 182-184.
14. Супотницкий М.В. Живая смерть: что такое биологическое оружие // Популярная механика. 2018. № 1. С. 74-77.
15. Юдин Б.Г. Из истории биомедицинских исследований на человеке: Хабаровский процесс 1949 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. Т. 30. № 4. С. 107-125.

The role of the Khabarovsk Process of 1949 in the international legal prohibition of bacteriological weapons

Valentina G. Balkovaya

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History of State and Law,
Far Eastern Law Institute (Branch),
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
690091, 8, Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: valyabalk@yandex.ru

Abstract

This publication was intended to determine the contribution of the USSR to the formation of an international legal ban on the development, production and use of bacteriological weapons. The article is devoted to the role of the USSR in developing an international ban on the production and use of bacteriological weapons, recognizing them as an unacceptable means of warfare. The article deals with the investigation of Japanese war crimes committed during the Second World War, the preparation and conduct of the Tokyo Trial of 1948, the reasons for the reluctance of the allies in the anti-Hitler coalition to include crimes related to the preparation of bacteriological warfare in the prosecution. An important place is given to the preparation and course of the Khabarovsk trial, which took place in 1949 against war criminals of militarist Japan, who were accused of trying to unleash a full-scale bacteriological war. The article was prepared on the basis of materials published in the open press: personal testimony of the accused, protocols of interrogations, testimonies, acts of forensic medical examinations. Particular attention is paid to the significance of the Khabarovsk process, carried out by the USSR, in recognizing the need to introduce an international legal ban on the development, production and use of bacteriological weapons, classifying them as unacceptable means of warfare.

For citation

Balkovaya V.G. (2022) Rol' Khabarovskogo protsesssa 1949 g. v mezhdunarodno-pravovom zapreshchenii bakteriologicheskogo oruzhiya [The role of the Khabarovsk Process of 1949 in the international legal prohibition of bacteriological weapons]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (10A), pp. 769-778. DOI: 10.34670/AR.2022.50.18.057

Keywords

Khabarovsk process, international humanitarian law, bacteriological weapons, crimes against humanity, prohibited methods of warfare.

References

1. Babkina E.S., Konopleva A.V. (2022) Otechestvennyye i zarubezhnyye issledovateli o khode i itogakh Khabarovskogo protsesssa 1949 g. [Domestic and foreign researchers on the course and results of the Khabarovsk process in 1949]. In: *Mezhkul'turnyy dialog v prostranstve stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Intercultural dialogue in the space of the countries of the Asia-Pacific region]. Khabarovsk.

2. Bastrykin A.I. (2022) Podgotovka k Khabarovskomu protsessu i yego znacheniye dlya mezhdunarodnogo prava [Preparation for the Khabarovsk process and its significance for international law]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 18, 1, pp. 61-69.
3. (2021) *Bez sroka davnosti. Khabarovskiy protsess. Dokumental'nyye svidetel'stva* [No statute of limitations. Khabarovsk process. Documentary evidence]. Moscow.
4. Butrim I.I. (2021) Pravovoe nasledie Khabarovskogo protsessa v mezhdunarodnom gumanitarnom prave [Legal legacy of the Khabarovsk process in international humanitarian law]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life], 3, pp. 91-100.
5. Kim S.P. (2022) «Protiv voinstvuyushchikh podzhigateley voyny»: arkhivnyye materialy ob organizatsii Khabarovskogo protsessa [“Against the militant warmongers”: archival materials on the organization of the Khabarovsk process]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Russian and Eastern European Historical Research], 1 (28), pp. 35-70.
6. Kolodkin L.M., Nechevin D.K. (2017) Tokiyskii i Khabarovskii sudebnye protsessy – groznoe predosterezhenie sovremennym agressoram [The Tokyo and Khabarovsk trials are a formidable warning to modern aggressors]. *Yevraziyskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 9 (112), pp. 22-28.
7. Kotlyarov I.I. (2009) Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo ob ogranichenii voyuyushchikh v vybore metodov vedeniya voyny [International humanitarian law on the limitation of belligerents in the choice of methods of warfare]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2 (74), pp. 44-62.
8. (1950) *Materialy sudebnogo protsessa po delu byvshikh voyennosluzhashchikh yaponskoi armii, obvinyayemykh v podgotovke i primeneniі bakteriologicheskogo oruzhiya* [Materials of the trial on the case of former servicemen of the Japanese army accused of preparing and using bacteriological weapons]. Moscow.
9. Nikitenko M.G., Drozdova P.V. (2021) Khabarovskii tribunal kak itog zlodeyanii yaponskogo militarizma [Khabarovsk tribunal as a result of the atrocities of Japanese militarism]. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law], 3 (107), pp. 96-104.
10. Postnikov N.D. (2017) Pervaya gazovaya ataka na russko-germanskom fronte v yanvare 1915 goda [The first gas attack on the Russian-German front in January 1915]. *Prepodavanie istorii v shkole* [Teaching history at school], 3, pp. 27-31.
11. Romanova V.V., Shulatov A.Ya. (2017) Posle Khabarovskogo protsessa 1949 g.: SSSR, SSHA i popytka organizatsii novogo tribunala na Dal'nem Vostoke v usloviyakh "kholodnoi voyny" [After the Khabarovsk process in 1949: the USSR, the USA and an attempt to organize a new tribunal in the Far East in the conditions of the Cold War]. *Istoriya meditsiny* [History of Medicine], 4, 3, pp. 301-316.
12. Smirnova A.N. (2017) Ogranicheniye voyuyushchikh v vybore metodov i sredstv vedeniya voyny [Restriction of the belligerents in the choice of methods and means of warfare]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of economic security], 4, pp. 182-184.
13. Supotnitskii M.V. (2018) Zhivaya smert': chto takoye biologicheskoye oruzhiye [Living death: what is a biological weapon]. *Populyarnaya mekhanika* [Popular mechanics], 1, pp. 74-77.
14. Yudin B.G. (2009) Iz istorii biomeditsinskikh issledovaniy na cheloveke: Khabarovskii protsess 1949 g. [From the history of biomedical research on humans: the Khabarovsk trial of 1949]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the history of natural science and technology], 30, 4, pp. 107-125.
15. Zvyagintsev A.G. (2019) Otraviteli bez khrizantem [Poisoners without chrysanthemums]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation], 4 (72), pp. 34-37.